

Иван Гобзев

ЗОНА ПРАВДЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Гобзев
Зона Правды

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Гобзев И. А.

Зона Правды / И. А. Гобзев — «ЛитРес: Самиздат», 2012

В будущем переселение душ станет доказанным научным фактом. Можно узнать, кем ты был в прошлой жизни и с определённой долей вероятности попытаться угадать, кем будешь в следующей. Можно даже послать себе подарок из прошлого. Например, букет цветов. Правда, к тому моменту, когда ты его получишь, он уже наверняка засохнет. Но что такое "душа", которая переселяется из тела в тело? Ответ на вопрос найдётся в загадочной "Зоне Правды". Роман был впервые опубликован в 2013 году в издательстве "Литературная Россия". Содержит нецензурную брань.

© Гобзев И. А., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Приятный подарок и ветер перемен	5
Ложь и правда	8
Явь и сон	13
Романтическое приключение	18
Фигуры и каприччо	25
Жар и холод	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Приятный подарок и ветер перемен

Всегда приятно, когда тебе дарят цветы. Даже, если ты мужчина. Есть, конечно, в этом некоторая неловкость, мужчине принимать цветы, ведь цветы принято дарить женщинам. Люди в таких случаях смотрят на тебя косо, в силу своей испорченности. И ты сам начинаешь стесняться, вдруг усматривая что-то стыдное там, где ничего стыдного на самом деле нет – тоже в силу своей испорченности. Так думал Дмитрий, стоя в растерянности с букетом в руках у сейфа. Но в комнате он находился один и стесняться было некого. Мелькнуло, правда, подозрение, что здесь ведётся видеонаблюдение и он на всякий случай принял глубокомысленное выражение, оглянулся по сторонам, как будто ищет чего-то и с удивлением посмотрел на букет. Хотя, – подумал он, – если наблюдение и ведётся, то какими-нибудь скучающими охранниками, которым глубоко наплевать, что он там делает. Он устыдился своей глупой игры перед воображаемой камерой и вернулся мыслями к букету. Ему только что подарили маленький высохший веник, оставшийся от когда-то прекрасного букета цветов. Сложно было установить, что это за цветы, и запах от них исходил неопределённый едко-сладковатый. Несмотря на странность ситуации, ему понравилось впервые в жизни получить в подарок букет. Не испортило впечатление даже то, что эти цветы ему отправил мужчина. Тем более, этот мужчина уже давно был мёртв.

С тех пор как метемпсихоз стал научным фактом, люди успели привыкнуть к нему и перестали удивляться сведениям о своих прошлых жизнях. Дима помнил, что поначалу власти пытались скрывать доказательства переселения душ, ожидая, что это вызовет бурю в обществе. Но информация постепенно просачивалась и провоцировала много разговоров, и в итоге пришлось официальным лицам сделать публичное заявление, чтобы развеять быстро растущие мифы. Никакой бури в обществе не произошло. Люди, конечно, сперва поволновались, состоялась череда обсуждений с экспертами, прокатилась волна протестов, кто-то объявил забастовку, а кто-то вышел на митинги, как это обычно происходит из-за любого пустяка, но вскоре всё стихло, словно ничего особенного и не случилось. Дима не удивлялся этому, он помнил из всемирной истории много случаев, более поразительных, чем открытие метемпсихоза, однако и они не производили революций в сознании людей. Например, когда выяснилось, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, как полагали все здравомыслящие люди, мир не перевернулся. А то обстоятельство, что человек появился в результате эволюции, разве волнует всерьёз кого-нибудь? Наверно, если вдруг докажут, что ад и рай реально существуют, то и это мало что изменит в привычном укладе жизни, а скорее – ровным счётом ничего. Про инопланетян же и говорить нечего, все давно готовы к встрече с ними и удивляются, что те никак не дают о себе знать.

Появились так называемые «Банки Реинкарнаций», где каждый желающий за небольшие деньги мог узнать, кем он являлся в прошлой жизни и вычислить вероятность того, кем окажется в следующей. Дима прежде не бывал в подобном банке, он принципиально не хотел ничего знать о своей прошлой жизни, и ещё меньше о следующей. Вдруг, – думал он, – после смерти я стану бродячей собакой или каким-нибудь деревом? Повезёт, если вырасту в глухом дремучем лесу, где ступала лишь лапа зверя. А если в городе, например, сосной у метро, в смоге и грязи – буду чахнуть, пока не спилят. И судьба бродячей собаки ничем не лучше, скитаться ночами по пустым дворам, мокнуть под кустами в дождь, есть объедки, а потом заразиться бешенством, укусить человека, ослепнуть и путать фонари с луной, и быть, в конце концов, усыпленной. Конечно, Дима думал обо всём этом в шутку, ведь пока что люди перерождались только в людей. Пугали его совсем другие вероятности существования в прошлой и будущей жизни, о которых он знать не хотел и думать избегал.

Но в один из таких банков он сегодня всё-таки пришёл, потому что получил утром сообщение о посылке от служащего. В сообщении было сказано: «Посылка из прошлого. Максимус». Ситуация крайне необычная – какой-то Максимус, умерший лет сорок назад, задолго до рождения Димы, отправил ему в подарок букет цветов.

С лёгким смущением он припомнил, что сам очень долго стеснялся дарить девушкам цветы. И делал это поначалу неумело и грубо, как наверно древний предок человека питекантроп. Он вообще замечал за собой, что часто стеснялся самых обычных поступков, но легко совершал такое, чего другие постыдились бы делать.

Покидая хранилище Банка, Дима спрятал букет в целлофановый пакет, чтобы не проходить с венком в руке через общий зал, где могли быть другие посетители. Но в полутёмном зале был только один посетитель – девушка с газетой. Она сидела на скамейке и длинные золотые волосы скрывали лицо, ниспадая на газету, но судя по настойчивому взгляду охранника, была привлекательной. С другой стороны, как подсказывал Диме опыт, охранники не слишком разборчивы (и в этом смысле они были идеальными мужчинами, ведь для них любая женщина – привлекательна). Дима же заметил только пиджак, строгую юбку до колен, и худые ноги, обутые в сапожки на дециметровых шпильках. Если она встанет, прикинул он, то наверно будет почти с меня ростом. Но она не видела ни его, ни охранника, утопая буквально с головой в каких-то новостях, и Дима поспешил на улицу.

Интересно, – думал он, – послал ли незнакомец эти цветы мне, пока ещё был молод или уже на склоне лет, старый, седой и страдающий всевозможными болезнями, склеротично разъезжающий в инвалидной коляске? Почему-то было приятнее думать, что букет прислал молодой мужчина, во цвете лет и сил, уверенный, одухотворённый и очень-очень умный. И красивый. Но зачем он это сделал? Дима с мучительным сожалением понимал, что раз уж всё это произошло, то придётся выяснять, кем был этот мужчина, где жил, чем занимался. Оставалось надеяться, что эта информация строжайше засекречена сотрудниками «Банка реинкарнаций», и он в своём предстоящем расследовании вынужден будет отступить по объективным причинам.

Не хотелось ему ничего узнавать и ничего менять, в последнее время он чувствовал себя вполне гармонично в окружающем мире. И от того, что вот появлялись вдруг какие-то неожиданные новости и проблемы, которые к тому же требовали принятия каких-то решений, у него сильно портилось настроение и опускались руки.

По дороге на работу он обычно заходил в тренажёрный зал, расположенный недалеко от дома. Зал был не очень большой, с протекающим в нескольких местах потолком, деревянным полом и старой облупившейся краской на стенах, заклеенной кое-где плакатами, изображающими раздутых культуристов с огромными сиськами. Они весело улыбались со стен, эти культуристы, но взгляд у них был ох какой невесёлый – возможно, это объяснялось разрушенной ради больших сисек печенью. Угрюмые пауэрлифтеры молча слонялись туда-сюда, потом подходили к ржавой штанге и, мощно выдохнув, брали очередной нечеловеческий вес. Девушки не отставали от мужчин и приседали со штангами в три своих веса, выпячивая мускулистые попы. Тренер Паша, молодой, но уже бывавший в тюрьме пауэрлифтер, сидел на скамеечке и глядел исподлобья на эти попы, давая ученикам полезные указания. У него были свои представления о женской красоте – например, если девушки приходили к нему в надежде похудеть, то уходили в два раза объёмнее, но место жира занимали мышцы.

Дима всегда тренировался сам, но Паша неплохо к нему относился и часто давал советы. Иногда тренер вдруг стягивал с себя майку от нового спортивного костюма (а у него костюмы менялись каждый день) и проходил вдоль зала, показывая всем, какая мощная должна быть спина у настоящего пауэрлифтера. Спина и правда у него была немислимая, и он с гордостью смотрел на себя в зеркала.

Однажды в тренажёрном зале зашёл разговор о женщинах. Вообще это была не очень частая тема в тренажёрном зале – как правило, парни обсуждали спорт, пищевые добавки или просто молча с напряжёнными лицами тягали железо. Возможно, большие физические нагрузки отбивали желание думать о женщинах, и штанга (этот фаллический символ) заменяла им секс. Но, так или иначе, однажды он стал невольным свидетелем беседы о прекрасном поле. Был как раз полдень, солнечные лучи падали в окна, и лёгкий ветерок доносил с улицы весенние запахи листвы, цветений, земли и свежесть близкой грозы, намекая на романтические приключения. И вот то ли в силу этих причин – весенних обещаний новой жизни, то ли по другой какой причине, в тренажёрном зале вдруг зашёл разговор о женщинах. На самом деле это сложно было называть полноценным разговором – всего несколько реплик, которые завершил авторитетным замечанием тренер Паша:

– Только одно я могу вам сказать, парни. Много у меня женщин было, и вот что я понял – ничего, кроме пустых карманов и нервов в этом нет. – И повторил со смутной печалью во взгляде, – ничего, кроме пустых карманов и нервов.

Так вот Дима был полностью с ним согласен в вопросе о женщинах, особенно по части нервов. Да и карманов тоже.

В жизни Диму устраивало всё, она казалась и в меру плотской, и в самый раз духовной, и хотя время от времени какие-то сомнения приходили ему на ум, ничего менять не хотелось. Возможность перемен пугала, и оборачивалась кошмарными снами, в которых рушилось его зыбкое благополучие и странные люди со стеклянными глазами заставляли его рассказывать правду, а он плакал и унижался, потому что не знал, что правда, а что нет, и пытался обмануть их, говоря какую-то чепуху и утверждая, будто это правда. «Ты лжёшь», – отвечали люди со стеклянными глазами, собираясь сделать с ним нечто ужасное и болезненное, и он холодел изнутри, сжимался в комок и просыпался среди ночи с воплями.

А букет от покойника серьёзно разволновал его, и он чувствовал, что должен как-то разрешить эту ситуацию. Всё-таки придётся, понял он, выяснять личность мужика, пославшего цветы, хочется ему или нет. Завтра, – решил он, – завтра я опять пойду в Банк реинкарнаций и поставлю точку в этой неприятной истории. Но с кем бы посоветоваться? Никого лучшего для этой цели, чем его брат Василий, было не найти, и он решил ему позвонить. Дима в подробностях рассказал, как было дело – о посещении Банка реинкарнаций, о высохшем букете и о своих сомнениях по поводу дальнейших действий.

– Не знаю, что тебе посоветовать. Мне покойники не дарили цветы, – ответил Василий. – Надо встретиться, посидеть, поговорить.

Они договорились о встрече на следующий вечер в одном кафе, которое часто посещали вместе, и Дима поехал домой.

Ложь и правда

Рано утром, в полутьме, он варил кофе на кухне и наблюдал за окном тяжёлое серое небо. Кончалась осень, и сложно было сказать, какая будет зима, холодная или не очень.

На соседнем небоскрёбе, закрывая всю стену, висел гигантский белый плакат с черными буквами: «ЗОНА ПРАВДЫ». Ниже шла надпись помельче: «Мир, где нет лжи. Будь честен с самим собой». Таинственная Зона Правды, о которой так много слухов и так мало правды. Дима однажды видел человека, который вернулся оттуда. Говорили, что он никогда не лжёт, потому что ему теперь нечего скрывать – от себя и от других. Как такое может быть, сомневался Дима, чтобы ни в чём, ну ни капельки не врать. Ещё с самим собой можно быть честным, но вот с другими иногда просто нереально. Например, у него назначена встреча с девушкой, а он хочет встретиться с другой, но и эту не потерять. И он говорит: «Ах, Машенька, прости, такие дела – голова болит, простужен и температура под сорок пять...» Она ему в тревоге: «Милый! Давай я приеду?» «Спасибо, так приятна твоя забота, но я уже спать лёг. Целую всю». А сам в этот момент стоит в туалете за баром, чтобы не слышала другая девушка, которая сидит за барной стойкой и мечтательно потягивает коктейль, думая, какой же он хороший. Он возвращается, глаза, конечно, немножко бегают, никуда от этого не денешься – глаза всегда выдают, целует её и говорит чуть-чуть не искренним голосом: «Мне тут брат звонил, предлагал подвезти помочь в одной работе, но я отказался, лучше с тобой побуду!» Она улавливает фальшивые нотки, но не придаёт им значения, выбрасывает из головы дурные мысли. Не любят девушки верить в плохое, легче уж закрыть на всё глаза и верить только в хорошее. А Машенька сидит на диване, обняв розового слоника и сложив под собой ножки, смотрит в телевизор и переживает: бедный мой, думает, Димасик, приболел опять... Часто что-то простужается. И что он там делает один дома? Может тоже телевизор смотрит, а то какой-то странный шум по телефону доносился, вроде музыка и голоса слишком громкие и весёлые, в том числе женские... Волнуясь и гоня прочь неприятные догадки, она пишет ему sms, но ответа не получает, ещё бы – какой там ответ, ведь он выключил звук на телефоне, чтобы не спалиться перед другой! А скажи он правду, так ни та, ни эта не стали бы с ним наверно общаться. Но это мелочи. А вот как быть на работе? Часто бывает, например, что во время корпоративной вечеринки, его, как молодого и перспективного сотрудника, просят сказать тост. И что же? Может ли он встать высоко с бокалом, оглядеть присутствующих и честно сказать: «Я считаю, что половина из вас мудачки, а вторая половина движется в этом же направлении»? Его однозначно после этого уволят, возможно, дадут по морде, и со всеми будут испорчены отношения навсегда. Есть и другие ситуации, требующие обмана – нередко близкие, дорогие, родные люди делают много такого, что может вызывать суровую критику. Но попробуй покритиковать их всерьёз, и они обидятся, пользы же не будет никакой, а отношениям очевидный вред.

Конечно, размышлял он, врать по любому, по всякому ничтожному поводу нехорошо, это нужно делать по мере необходимости, чтобы сгладить шероховатости, не раскачивать, как говорят психологи, лодку и не обострять противоречия. У него был дальний родственник, с удивительным именем Ярополк, который говорил неправду всегда, в любых обстоятельствах. Допустим, его спрашивали – кофе любишь? Он отвечал – нет. А сам тайком упивался литрами кофе, как маньяк. Или – будешь курить? Он – о да, буду, обожаю курить. Брал сигарету и курил, кашляя и задыхаясь, потому что вообще был некурящий. Был он и большим сочинителем, любил рассказывать всякие истории, как будто приключившиеся с ним. Однажды он рассказал Диме и Василию такую историю, когда они сидели в каком-то спорт-баре:

– Парни, вчера я выпал из окна десятого этажа.

Дима с Василием закатили глаза, но из вежливости спросили:

– И что? Разбился насмерть?

– Нет. Чудеса. Поднялся и дальше пошёл. Вероятно, спасла куча осенних листьев. Только иду и чувствую – что-то мне в глазу мешает. Я в туалет общественный забежал, у зеркала встал, смотрю – тоненький сучок в глазу торчит. Я его выдернул быстро, чтобы не вместе с глазом, водой промыл и всё в порядке, только видите вот – теперь гноится немного. А в туалете ко мне мужик какой-то подошёл, и стоит сзади, притирается. Я ему – что надо? Он – я сразу как тебя увидел, понял – ты парень крутой. Пистолет нужен? Ну, я отказался естественно, пошёл по своим делам.

– Ого, – Дима с Василием опять закатили глаза, – ого, пистолет говоришь? С длинным стволом наверно? Может ты его неправильно понял?

– Дураки, – усмехнулся Ярополк, – я его видел. Реальный пистолет.

– Он тебе даже его показал? Ого! – и они снова закатывали глаза.

Дима никогда не мог понять, что же толкает Ярополка на такое бессмысленное, не нужное и сложное вранье.

На работу Дима отправился после обеда. Там намечалась вечеринка по поводу дня рождения одного большого начальника. Он бывал несколько раз на подобных мероприятиях, и с тех пор старался их избегать. Сегодня должны были поздравлять Семёна Абрамовича, которого Дима часто, путаясь, называл Абрамом Семёновичем. Уклониться от праздника было невозможно – Семён Абрамович пригласил его персонально. Это значило, что в конце рабочего дня, в тесном кругу коллег, все будут говорить тосты в честь именинника, дарить ему подарки и слушать его смешные песни. Семён Абрамович любил в определённый момент спеть комические куплеты, хотя петь не умел, и слуха у него не было, и чувства юмора тоже. Тем не менее, каждый подчинённый, слушая его куплеты, смеялся до слез, и трудно было поверить, что им не смешно.

Дима не собирался задерживаться долго, он рассчитывал ещё забежать в Банк реинкарнаций, чтобы установить личность посланного цветы. В его воображении уже сложился образ этого человека: мужчина, с черными усами, высокий и худой, но крепкий, с пронзительным, умным взглядом.

Он приехал на работу как раз к накрытому столу. Коллеги уже расселись вокруг и, подняв рюмки, смотрели с блаженными улыбками на огромного Семёна Абрамовича, животом нависающего над столом и собирающегося спеть пару куплетов. Дима втиснулся на свободный стул, налил себе сока и взял бутерброд.

– Вы вовремя, – шёпотом сказали ему, – сейчас Семён Абрамович будет петь! А что это сок у вас? Может, водки?

– Нет, спасибо, – ответил Дима, – я просто куплеты Абрама Семёновича послушаю.

– Семёна Абрамовича!

– Ах, да. Извините.

Семён Абрамович подмигнул собравшимся и запел тихим высоким голосом:

Как-то я бывал в походе
Без палатки я ходил,
Две недели на природе
Спальник с девками делил!

Грянул взрыв хохота. Коллеги держались за животы и рыдали, девушка справа упала от смеха на плечо Диме. Он тоже усмехнулся, но вышло криво и неправдоподобно.

А однажды на рыбалке
Накопал ведро червей
До чего же они сладки

Не едал ничё вкусней!

Дима не помнил ни одного корпоратива на работе, где не солировал бы Семён Абрамович. Кстати, сочинял куплеты он сам и здорово гордился этим. Пока он пел, Дима воспользовался случаем перекинуться парой слов с Аней. Они уже год работали вместе, но всё их общение сводилось к «привет-пока», хотя иной раз им и удавалось выпить кофе вдвоём и поболтать наедине. Она казалась ему привлекательной и неглупой, и главное – с мягким характером, а это значило, что ему не придётся долго завоёвывать её сердце. К тому же, он ей нравился, она открыто показывала свою симпатию, радуясь как ребёнок, всегда, когда он приходил на работу.

– Пойдём вечером в кино, – шёпотом сказал он ей.

– Давай, – она счастливо улыбнулась. – С удовольствием.

– Дмитрий! – их прервал Семён Абрамович. – Я вижу, вы совсем не хотите слушать мои куплеты.

– Ну что вы, Абрам Семёнович, очень хочу.

– Ай, Дима, и не надо так натянуто улыбаться, – вмешалась женщина, которая призывала до этого всех к тишине. Она была уже слегка пьяной. – Какой вы всё-таки неискренний человек... Злой. Не хватает вам открытости и естественности. Так вы недалеко пойдёте!

– Будем вам, Марья Сергеевна, – ласково сказал Семён Абрамович. – Вы слишком суровы к Дмитрию. Он молодой, умный и многого достигнет. Если, конечно, ему повезёт побывать там, где побывали мы. Да, Дмитрий?

– Конечно, Абрам Семёнович... – Дима не решился спрашивать, где они побывали, и кто эти «мы», но смутно догадывался.

– Зона Правды, – горячо шепнула ему в ухо девушка справа, и осталась на его плече. – Дима, а можно вас пригласить сегодня вечером в бар? – она кокетливо улыбнулась и немножко покраснелась, то ли от вина, то ли от смущения, но и то и другое ей было к лицу.

– С удовольствием... Но, к сожалению, вечером у меня работа. Допоздна. Давайте завтра?

– Дмитрий, – опять вмешался Семён Абрамович. – Я вижу, вы всё-таки не хотите слушать мои куплеты.

– Что вы, что вы, Абрам Семёнович, хочу. Очень.

Марья Сергеевна покачала головой, в пьяных глазах читалась горечь:

– Эх, Дима, Дима, Се-мен Абрамович!

Девушка вложила в его руку бумажку с телефонным номером и громче, чем хотела, прошептала: «Жду!»

По дороге в банк Дима размышлял о куплетах Семена Абрамовича. Известно, – думал он, – что всякий, кто побывал в Зоне Правды, всегда говорит только правду. Значит ли это, что дурацкие песни Семена Абрамовича про спальник и червей – правда? Неужели он, в самом деле, съел ведро червей? Дима в детстве часто бывал на рыбалке, ловил плотву и окуней в холодном чёрном озере, спрятанном среди дремучих диких лесов, где не ступала нога человека, ни правдивого, ни лжеца, и выкопал много червей из-под заваливавшихся брёвен. Он жил там у озера с братом и дядей в старом домике с мансардой, а их окружали причудливые кривые сосны, белый мох по колению, километры горелого бора, древние скалы, сточенные водой, и вечный тихий дождь. Под его стук по крыше они с братом засыпали в мансарде, пока дядя чистил пойманную рыбу и матерился, потому что его ели комары, а почесаться он не мог – руки были в рыбьем жире. Чайки вперемежку с комарами кружили над деревянной лодкой на берегу и кричали «Дай! Дай! Дай!», и ловили на лету брошенные им рыбы кишки. Так вот Дима хорошо помнил этих червей, жирных, с белыми толстыми прокладками, скользкими и выделяющими какую-то гадость. Если такого положить в рот, то стошнит наверно немедленно, если ты конечно не слишком голоден.

Женщина напротив с удивлением взглянула на него – видимо, шум поезда не заглушал его голос. Слишком уж часто он разговаривал сам с собой вслух. Бывало так, что на улице, в метро или на работе он, задумавшись, вдруг начинал говорить о каких-то мучавших его проблемах, и нередко при этом размахивать руками, чтобы придать словам больше убедительности. Однажды он вот так брёл по пустынному переулку, смеркалось и все люди сидели уже по домам, а ему не давали покоя беспокойные мысли, и он спорил сам с собой и закатывал глаза, жестикулировал, кривил губы и, усмехаясь, грозил воображаемому оппоненту. Повернув за угол, он наткнулся на машину, в которой на передних сидениях замерли двое испуганных людей. Они смотрели на него во все глаза и ждали, что теперь он сделает, мимо пройдёт или нападёт на них. Дима сразу прекратил разговор и убрал руки в карманы, и быстрым шагом удалился, а люди молча провожали его удивлёнными взглядами.

Когда Дима рассказал эту историю Василию, брат захохотал и назвал его дураком.

– Ты ничего не понял, – сказал он. – Они скорее всего занимались любовью в машине, и подумали, что ты их видел за этим делом. Или торговали наркотиками. А твои странности они даже не заметили.

Возможно, он был прав. Дима часто ловил себя на чрезмерной мнительности, когда ему казалось, что все сосредоточены на нем и обсуждают его поведение или придают большое значение каким-то его поступкам. А в действительности оказывалось так, что никому не было до него дела.

У входа в банк он налетел на какого-то человека. Дима как раз думал о чём-то тревожном, размахивал руками и громко спрашивал непонятливого оппонента внутри себя:

– Ну и что ты теперь скажешь, а?

– Вот эта да! – это был Ярополк. – Ты? Какими судьбами в банк?

Дима не видел его несколько лет и тоже растерялся от внезапной встречи.

– Привет... Я так, к одному знакомому решил заехать, – он не хотел посвящать его в подробности истории с букетом.

– А, ну-ну, – Ярополк неприятно улыбнулся.

Он сильно изменился за годы, что они не виделись. Он и раньше был не слишком красив, а теперь вообще стал страшен как смерть. Лицо посинело и осунулось, кривой гигантский нос заострился и ещё сильнее вытянулся, красные глаза глубоко запали. Казалось, он подросток, хотя и прежде насчитывал два с лишним метра.

– А это моя жена Катя, – он обнял девушку, вышедшую следом за ним из дверей, и удивительно похожую на него.

– Привет, Катя.

– Катя, – поправила она.

Они сели в машину. Вставив ключ, Ярополк спросил:

– Может, посидим где-нибудь вечером? Давно не виделись.

– Ну, давай... – растеряно ответил Дима. – Я как раз с Василием в пять встречаюсь в «Меланхтоне».

– Ок, буду. До встречи.

В банке, как и в прошлый раз, был полумрак, нагнетаемый тусклыми жёлтыми светильниками, свисающими со стен. Наверно здесь всегда так, – подумал Дима, – подходящая атмосфера для общения с покойниками. В зале опять пусто, засыпающий охранник на стуле и одинокая девушка с газетой на протёртой лакированной скамейке. Он узнал её, это была та же самая девушка – она сидела на том же месте и в первое его посещение банка, и точно так же читала газету.

Он подошёл к стойке, за которой томился бледный молодой человек и сказал:

– Я недавно получил у вас послание от неизвестного, который умер много лет назад. Хотелось бы выяснить подробнее, кто он.

Молодой человек достал бланк и взял ручку.

– Ваше имя?

– Дмитрий.

– Фамилия?

– Дождь.

Юноша с сомнением посмотрел на него, потом наклонился за стойку и глянул на окно. Было пасмурно, собирались тучи и порывы ветра взметали с дороги мусор.

– Да, собирается, – согласился он. – Ваша фамилия?

– Дождь.

– А! – юноша улыбнулся. – Извините. Не понял.

Он вывел аккуратным почерком на бланке: «Дмитрий Дождь». На стойке зазвонил телефон. После короткого разговора он извинился и сказал, что должен ненадолго отойти. Минут через десять пришла другая сотрудница, взяла бланк и спросила.

– Ваш?

Дима кивнул.

– Извините, что заставили ждать. Сейчас оформлю.

Она тоже ушла и Дима опять остался один. Ему показалось, что девушка с газетой на скамейке нервничает и хочет встать, но почему-то не решается сделать это. Наверно, кого-то ждёт, – решил Дима, – какого-нибудь прекрасного молодого человека с букетом пышных ароматных роз. Он войдёт в зал и вместе с ним ворвётся свежесть наступающей грозы и запах дорогих духов, а она улыбнётся и пойдёт ему навстречу, чтобы слиться с ним в скромном и кратком, но многообещающем поцелуе. Ветер из распахнутой двери разметает её волосы, как попало, они попадут и в рот, и в глаза, и в уши, но она не станет выглядеть из-за этого глупо, а только чуть-чуть забавно и ещё более привлекательно. Он возьмёт её за руку и уведёт в страну грёз.

Кстати, почему она и её парень решили встретиться в Банке реинкарнаций? Не очень удачное место для свидания. Или наоборот? Так же романтично, как и на кладбище. Возможно, они хотят выяснить своё прошлое. Или будущее – чтобы и в следующей жизни быть вместе – так сильно они любят друг друга.

Вернулась сотрудница с пластиковой папкой.

– Вот, пожалуйста. С вас две тысячи семьсот девяносто.

Дима отсчитал деньги и с заметным волнением раскрыл папку. На небольшой старой фотокарточке, пять на шесть, он увидел красивую светловолосую девочку, немного нахмурившуюся и как будто недовольную.

– Постойте, – обратился он к служащей банка, принёсшей ему папку, – в уведомлении, пришедшем мне вчера из вашего банка, было указано, что это мужчина, какой-то Максимус, а здесь на фото девушка...

Служащая участливо улыбнулась ему:

– Вы не поняли, Максимус – это имя служащего, отправившего вам сообщение. Я вам принесла ваши документы, сомнений нет.

– Всё ясно, – усмехнулся он, – ну я и балбес. Всё ясно. С облегчением он закрыл папку и быстрым шагом направился к двери. Вспомнив о девушке с газетой, он задержался на пороге и оглянулся, она тоже смотрела на него и её глаза были полны слез.

– Не плачь, – тихо сказал он, уже выйдя на улицу прямо под начавшийся ливень. – Твой парень просто опаздывает. Он ещё придёт. Рано или поздно он обязательно придёт.

Явь и сон

Дождь хлестал по асфальту тяжёлыми косыми струями, люди разбегались по подъездам, прикрывая головы разной чепухой. Дима не стал прятаться от непогоды, и, запахнув пальто, поспешил дальше – на встречу с братом и Ярополком. По дороге он вспомнил, что договорился с Аней о кино. Пришлось позвонить ей и сказать, что он сильно простудился, у него температура, кашель и сопли, и поэтому он не сможет с ней увидеться. Аня расстроилась и попросила его пообещать, что он обязательно будет лечиться, не пускать болезнь на самотёк. Он обещал ей это с лёгким сердцем, и спустился в метро.

Как раз закончился рабочий день и толпы людей с одинаковыми выражениями лиц – замученными и хмурыми – пытались влезть на эскалатор, а потом проникнуть в душный вагон. Машинисты нервничали, потому что движение поездов выбивалось из графика, торопили пассажиров, закрывали двери и трогались с застрявшими в них людьми. Когда-то из-за участвовавших несчастных случаев было решено полностью автоматизировать метро, чтобы исключить человеческий фактор. От машинистов отказались и супермощная сеть компьютеров стала управлять всей системой, расставляя интервалы между поездами, переключая линии, определяя длительность стоянок и скорость движения. Рассказывали, будто во избежание задержек поездов из-за неиссякаемого пассажиропотока двери в вагонах одно время были оборудованы острыми стальными лезвиями. Поначалу система справлялась неплохо, но метро всё росло и росло, пока не превратилось в огромный лабиринт. Программа управления движением поездов постоянно усложнялась и вскоре уже не осталось специалистов, способных в одиночку в ней разобраться. К тому же искусственный интеллект программы был ориентирован на самообучение, чтобы уметь в нестандартных ситуациях генерировать принципиально новые решения. И тогда начались загадочные сбои, поезда в какой-то момент стали ходить беспорядочно, в непредсказуемом направлении, с произвольными остановками или вообще без остановок. Поезд запросто мог застрять в каком-то туннеле и стоять там, пока пассажиры не вылезут и не пойдут пешком. А однажды целый поезд исчез в час-пик. Просто отправился со станции и больше его никто никогда не видел. Люди, заходя в метро, теперь уже не знали наверняка, куда именно приедут и во сколько, и приедут ли вообще. Многие из страха перестали пользоваться метро и поэтому не могли попасть на работу. В итоге пришлось отключить автоматизированное управление метро и вернуть машинистов.

Добравшись до нужной станции, Дима с радостью выбрался, наконец, на улицу. Было не поздно, поэтому очередь в кафе «Меланхтон» ещё не успела выстроиться. Вот часов в восемь у входа в каждый ресторанчик уже стояли уставшие после рабочего или учебного дня юноши и девушки, и люди постарше тоже стояли, ожидая, когда же, наконец, освободится какой-нибудь неудобный столик посреди зала. Столик освободился, и вежливый официант приглашал их внутрь, чтобы они могли съесть что-нибудь не очень-то и вкусное, перекидывая друг друга в попытках пробиться сквозь гул голосов десятков посетителей, перемешанный с грохочущей музыкой. А потом платили за всё это деньги.

В баре сидел Василий и задумчиво смотрел в меню. Официантка в бардовом фартуке стояла около него, ожидая заказ. Заметив Диму, Василий поднял голову:

– Ну как? Это был черноусый красавец, как ты и надеялся?

Сняв мокрое пальто и усевшись, Дима положил пластиковую папку на стол и рассказал брату, как было дело в Банке реинкарнаций.

– Симпатичная, – заметил Василий, разглядывая фотокарточку девушки, – чем-то на тебя даже похожа. Погибла тридцать с лишним лет назад, в юном довольно возрасте... Интересно, зачем она отправила тебе тот букет? Ты хоть выяснил, кем ты был при её жизни?

– Нет, – признался Дима. – И знать не хочу. Видимо, мужчиной, раз она прислала мне цветы.

– У тебя явно хромает логика. Вообще-то, как правило, цветы дарят девушкам, а не наоборот. Во-вторых, ты слышал когда-нибудь об однополой любви?

Дима сделал глупое лицо:

– Нет. А что это такое?

– В общем, Дима, пока ты не узнаешь, кем был ты сам, ты не узнаешь, почему получил этот букет.

– Если бы ты знал, как мне не хочется ничего узнавать... Мне и так хорошо, комфортно...

В этот момент распахнулась дверь и проем заслонила длинная худая чёрная фигура в клубах уличных испарений. Человек в кожаном плаще почти до пят и темных очках медленно прошёл к их столику, и только когда он сел на свободный стул, они поняли, кто перед ними.

– Привет, парни, – сказал Ярополк, сняв очки и положив их на стол, – на работе задержался. – Девушка! – он щёлкнул пальцами, даже не оглянувшись в поисках официантки. – Сюда.

Прибежала официантка и он приказным тоном зачитал ей список того, что желает, велел поторапливаться и напоследок заметил, что ей надо сменить причёску. Она испугано выслушала его, натянуто улыбнулась, нелепо поправила что-то на голове и бросилась исполнять заказ, чуть не упав по дороге.

Дима с Василием изумлённо переглянулись. Ярик, конечно, всегда был склонен к дешёвым эффектам и ложным попытками придать себе значимости в глазах других, но сейчас, похоже, всё происходило всерьёз. Он изменился. С наглым взглядом он сидел перед ними и улыбался, чувствуя своё превосходство и власть, которая непонятным образом ощущалась и братьями.

– Слышали новость? – спросил он и многозначительно замолчал.

Дима с Василием поняли, что он ждёт их реакции и поэтому ничего не ответили. Но Ярик молча смотрел на них и не продолжал. Через пару минут переглядываний Василий сдался:

– Какую?

– Учёные из Зоны Правды создали таблетки, которые вызывают в памяти образы прошлых жизней. Сейчас проходят тестирование на подопытных образцах. Скоро поступят в продажу.

– Вот это да, – не удивившись, сказал Василий. – А что за подопытные образцы?

– Да так. Разные преступники, антисоциальные элементы общества, крысы. Таблетки по доступной цене. Теперь не нужно будет переплачивать в банках и долго ждать в очередях, чтобы узнать, кем ты был в прошлых жизнях! Кстати, у меня есть одна упаковочка.

– Откуда? – спросил Василий. – Ты рекламный агент Зоны?

– Знакомый дал. Мне ни к чему, могу подарить, если нужно. Хотите, парни?

В самом деле, – подумал Дима, – было бы неплохо обзавестись такими таблетками и позволить выйти, наконец, на свет тому, что пока во тьме, но упорно просится наружу. И не ходить в этот банк.

– А давай, Ярик. Попробую, любопытно.

Одобрительно улыбнувшись, Ярик протянул ему пластиковую баночку.

По случаю встречи они решили немного выпить. Заказали текилы, а потом ещё и ещё, пока бар не сузился до размеров их столика, став мутно-золотым, заставленным пустыми рюмками, залитым алкоголем и безудержно весёлым. Хотя в такой ситуации расстаться было невозможно, им всё же пришлось закончить встречу – Ярополк заявил, что ему пора на работу, а Василий хотел пораньше встать утром.

– Ладно, парни, – предложил Дима, – тогда напоследок по текиле!

– Дмитрий, а может, хватит? – возразил Ярик серьёзно. – Ты никогда не мог остановиться вовремя. Пора бы уже научиться знать меру!

Дима растерялся, он не ожидал услышать от него нравоучения, да ещё в таком тоне... Хотя Ярик был прав. В самом деле, никогда Диме не получалось соблюсти меру и многое из-за этого было непоправимо испорчено... Однажды, давным-давно, когда он был ещё совсем юн, он познакомился с чудесной девушкой, красивой, как небо в летний день, не густо покрытое пышными, сочными облаками. Если поднять голову и смотреть на такое небо, поражаешься его удивительно яркой голубизне, так удачно разбавленной белизной облаков, и кажется, что ничто не имеет значения по сравнению с ним. Хочется дышать чистотой этого неба, пить его, раствориться в нем. Вот так он смотрел на эту девушку. Справедливости ради надо сказать, что это не он с ней познакомился, а она с ним, потому что сам он был очень робок и никогда бы не решился первым на знакомство с девушками. Он был до того застенчив, что когда дело дошло до свидания, испугался почти до обморочного состояния. И он знал, что на встрече с ней как-нибудь опозорится, потому что у него будут трястись коленки, дрожать пальцы, сердце биться в горле, и он не сможет вымолвить ни слова, а будет только смущённо улыбаться. И вот он решил поступить так – выпить слегка для храбрости перед встречей. Он взял бутылку коньяку и выпил рюмочку. Потом ещё, и ещё одну. Ему всё казалось, что он ещё не достаточно смел и спокоен для предстоящего важного события, поэтому допил бутылку до конца. На свидание он пришёл совершенно пьяный, едва переставляя ноги, качаясь и тяжело дыша. За сотню метров от места встречи он упал в грязную лужу и весь испачкался. Короче, свидание не состоялось, хотя он долго стоял на площади, дико озираясь по сторонам и пытаясь сохранить равновесие.

Разъезжались на такси. В машине Дима вдруг отчётливо понял, что его неудержимо тянет на приключения. Размытый ливнем ночной мир растекался по лобовому стеклу городскими огнями, он казался таинственным, прекрасным и беззвучно манил его к себе. Неловко порывшись в карманах, он вытащил на мутный свет смятую бумажку с номером телефона девушки, которая на именинах Семена Абрамовича звала его в бар. Под номером было написано «Марина». Она ответила почти сразу.

– Але, это кто? – позвучал раздражённый голос.

– Привет, Марин, это Дима! Приезжай в гости.

– Ты сдурел что ли? Я сплю уже, – и она отключилась.

Дима огорчился. Почему-то всегда, когда хочется встретиться с девушками, им не хочется. А вот когда ему совершенно это не нужно – так, пожалуйста, сколько угодно, готовы все и сразу. Он подумал, что имеет смысл позвонить другим, и рано или поздно кто-то согласится. Хотя других, уже знакомых ему, видеть не хотелось. Тянуло на общение с малознакомым человеком, чтобы можно было узнавать, открывать и впервые переживать новые волнующие мгновения. Ситуация показалась ему трагической – вот он готов, открыт миру и жаждет приключений, а мир с усмешкой закрывает перед ними двери в самый важный момент. Прав был Ярополк, – снова с горечью подумал он, – я и в самом деле никогда не могу остановиться. Всякий раз, когда нужно сказать «стоп», потому что кульминация праздника достигнута и дальше ничего хорошего не будет, а только позор и деградация, он хотел продолжения игры. И горько потом жалел об этом!

Подъезжая к дому, Дима полез в карман за деньгами и нащупал баночку, которую подарил ему Ярополк. Развернув инструкцию по применению, он попытался сконцентрироваться на расплывающихся в темноте строчках. Читать было трудно и неинтересно, удалось разобрать только название: «Морфики». Высыпав прямо в рот несколько капсул (они выглядели такими маленькими, что одной казалось недостаточно), он запил их пивом из жестяной банки, которую всё это время держал в руке. Почувствовалось лёгкое волнение – ведь скоро ему откроется его прошлое! В лифте он вспомнил, что вышел из машины, не расплатившись с водителем, а тот ничего ему даже не сказал. Или он просто не расслышал? Добравшись до квартиры, он

побросал все свои вещи на стул и лёг на кровать. В ожидании эффекта он подумал, что вот так сам человек своими руками разрушает своё благополучие, видимый покой и размеренную уютную жизнь, вторгается туда, куда не хотел. Не стоило пить эти таблетки... Не стоило... И вообще не стоило пить.

Он был верхом на коне, с копьём в руке, в латах и рогатом шлеме. Рядом стояли солдаты в помятых доспехах и с мрачными лицами смотрели в сторону леса. Низко нависало дождливое серое небо, которое вскоре пронзят стрелы, крики и стекленеющие взоры. Чесалась спина, и он никак не мог её почесать, разве что попросить одного из солдат залезть ему под доспех, но сейчас, перед боем, это показалось бы неуместным. Ещё и наколенник заржавел в долгих походах, и теперь неприятно скрипел при любом движении.

– Господин, – тревожно обратился к нему одноглазый сержант, с ног до головы заляпанный землёй, – пора?

– Ещё нет, – уверенно ответил Дима.

Солдаты выглядели равнодушными. Изрезанные шрамами, в пробитых латах, в многодневной грязи они походили на убийц, насильников и прочих подонков. Впрочем, такими они и были.

Со стороны леса раскатисто просипел рог и на опушке появились конные и пешие фигуры. С каждой секундой их становилось всё больше, и вскоре лес скрылся за десятками знамён и штандартов. Вновь возник сержант и, протирая рукавом пустую глазницу, спросил:

– Ну что? Пора?

Вместо ответа Дима молча вскинул руку с копьём. Его воины дружно закричали, вернее – зарычали, потрясая оружием. Он пришпорил коня, прикрылся щитом и двинулся, набирая скорость, к лесу. В ряд с ним рванулась всадники, следом побежали пешие солдаты. Он видел, как, затмевая небо, несётся волна стрел и скашивает на опушке вражеских солдат. Вперёд выступили их копейщики и выставили перед собой забор длинных пик.

Грязь и трава разлеталась под копытами, конь шёл тяжело, но быстро. Дима взял копьё наперевес и выбрал цель, слева и справа мчались его воины, громяхая железом и так же нацеливаясь. Спустя несколько секунд стена всадников обрушилась на вражеские пики, раздался треск ломающихся древков и грохот от падения закованных в доспехи людей. Он въехал точно в выбранного заранее вражеского солдата, пробив копьём и щит, и его самого насквозь. Оставив копьё в поверженном, он выхватил меч и принялся рубить вокруг себя не глядя, потому что через прорези закрытого шлема ничего, в общем-то, не было видно, кроме мелькания клинков и непонятно чьих движущихся рук и ног. Надо надеяться, что эта отрубленная рука принадлежит врагу, – пролетело в его рогатой голове, – а если свой подвернулся под мой меч, значит сам виноват... В следующее мгновение он получил мощный удар в спину и выпал из седла в измочаленную мокрую грязь. Он вскочил, но был снова сбит с ног, кто-то слева рубанул его по руке и он выронил щит. Щит упал внутренней стороной на землю, и он разглядел герб – схематичное, как будто ребёнком нарисованное белое облачко на светлом фоне с тремя падающими из него голубыми каплями. Ему удалось снова подняться. Не оборачиваясь, он махнул мечом влево и в кого-то попал – судя по вскрику, удачно, но тут же упал на колени, ощутив острую боль в правой ноге – из бедра торчал арбалетный болт. Ещё пытаюсь разить врага, стоя на коленях, он размахивал клинком вокруг себя, пока страшный удар по голове, видимо, молотом или клевцом, не уткнул его лицом в землю.

В отдалении послышались неразборчивые крики, что-то вроде: «Вождь убит! Дождь убит! Спасайте тело!»

Кровь быстро заполняла шлем изнутри, заливая рот, уши и глаза. «Я умираю», – подумал он. Шум сражения улетал всё дальше и дальше, пока он не остался совсем один в полной тишине. Боли не ощущалось, было хорошо и спокойно, он чувствовал лишь, как сильно соску-

чился по отдыху, долгому и беспробудному сну. И хорошо бы, вечному. Он глубоко вдохнул, закрыл глаза, и всё исчезло.

Романтическое приключение

Дима проснулся с неприятным вкусом во рту и опухшим лицом. В полутьме пробравшись на кухню, он поставил вариться кофе, вслух проклиная себя на вчерашнюю пьянку. Теперь он с перепоя поедет на работу и до самого вечера его не отпустит тоска и слабость, и на следующее утро останутся ещё следы похмелья и вдвое сильнее распухшее лицо. В английском языке есть для такого состояния прекрасное слово – *undead*. Вроде не мёртвый, но и не живой. Наверно, на русский это можно перевести как беспокойник. Он подумал, что чувствует себя как раз вот таким беспокойным покойником. Его затошнило, он налил кофе в чашку и сел в кресло у окна.

Крепкий хороший кофе придал ему бодрости и немного вернул веру в себя. Припоминная смутные обрывки снов, он удивился тому, что увидел. Запомнились какие-то дикие, искажённые лица, тучи стрел, чёрная кровь на латах, выпученные неподвижные глаза. События сна вряд ли могли относиться к прошлой жизни, разве что он был актёром и снимался в голливудском блокбастере. Отыскав рецепт к «Морфикам», он принялся читать пункт «Способ применения и дозы».

«Взрослым и детям старше 12 лет – капсула по 20 мг один раз в сутки перед сном. Запить большим количеством воды. Ни в коем случае не мешать препарат с алкоголем». На коробке, подаренной Ярополком, чётко значилось: «капсулы по 20 мг. Строго по рецепту! Вызывает привыкание». А он проглотил их вчера штуки наверно три или четыре. И обильно запил алкоголем. Вернее, наоборот, он ими заел большое количество алкоголя. В пункте передозировка среди прочего говорилось: «кома печени, инсульт, расстройство памяти, нарушения сна, галлюцинации, нервные расстройства, половые расстройства, помешательство, смерть». Почему-то именно «половые расстройства» взволновали Диму, но он тотчас отогнал эту мысль.

Отыскав в мобильном номер Ярика, он позвонил ему. Голос у Ярика был бодрый и весёлый.

– Привет, Ярик. Кошмарные таблетки. Странные видения.

– Ты их пьяный пил? Ну ты даёшь, – расхохотался он. – Умереть же можно.

– Мне снилось, что я рыцарь какой-то... И вроде меня Дождём называют... Ну как сейчас. Ярик почему-то не ответил, только жужжало что-то в трубке, как будто беспокойная муха летала-летала, а ей не давали сесть. Вдруг он торопливо сказал:

– Ладно, счастливо, у меня дела.

Перед работой Дима решил зайти в тренажёрный зал, чтобы придать себе бодрости и разогнать кровь. Побрившись, вымыв голову, побрызгавшись туалетной водой и надев чистую одежду, которую не сразу удалось отыскать в гардеробной, потому что он постоянно забывал постирать грязную и она кучами скапливалась на полках, он вышел из дома.

В тренажёрном зале, куда он ходил, ему часто встречался один очень уважаемый человек, который занимался там много лет. Его звали Велемир Адроныч. Он был пожилой, но всё ещё полон сил. Когда ему бывало скучно, он любил во время тренировки поболтать с другими и поучить их, как правильно надо тренироваться. Иной раз подзывал он Диму к себе и спрашивал тихо и немного шепелявя: «Ну что, Дима, жмёшь?» «Жму», – отвечал Дима. «Ну и какого хрена ты жмёшь? Дурак что ли? В этом пользы нет никакой, только тяга и приседание, больше не жми!» И проповедь на полчаса. Дима тогда выслушивал его с почтением, кивал головой и уходил в другой зал в надежде спокойно пожать. Но нет, вскоре и там появлялся Велемир Адроныч, подходил и говорил: «Ну и какого хрена ты жмёшь? Толку в этом никакого. Не жми!» Ну всё, думал тогда Дима, тренировка испорчена, достал меня этот старый черт, я ухожу. Когда же поучить было некого, старик, поскучав и помучившись от тишины, заговаривал, наконец, с тренером. «Ну что, Паша, тренируешь?» «Тренирую», – почтительно отвечал тот. «Ну и что,

жмут твои ученики?» «Жмут», – отвечал тренер. «Ну и какого хрена, Паша, они жмут? В этом толку нет никакого...»

Вот и сегодня Велемир Адроныч прохаживался по пустынному залу мимо штанги весом килограмм в триста и скучал, потому что поболтать было не с кем. Увидев Диму, он обрадовался и спросил с оттенком коварства:

– Привет, дорогой. Пожать пришёл?

– Нет, что вы!?! – горячо запротестовал Дима, и заметив, что штанга Велемира Адроныча стоит в станке для приседания добавил: – Присесть буду.

– Это правильно. Жмут только дураки.

Дима отправился в раздевалку, надеясь, что старик скоро закончит тренировку и уйдёт, а он сможет всласть пожать. Но, вернувшись, понял, что Велемир Адроныч и не собирался уходить и только перешёл к становой тяге, для начала повесив на гриф двести килограмм. Вздыхнув, Дима принялся собирать штангу. Сделав скромный вес в сорок килограммов, он принялся приседать. И чуть не уронил всё, когда Велемир Адроныч вдруг закричал на него, прямо из-за его спины:

– Стой! Ты что делаешь! Кто так приседает?

«Вот уж три года я приседаю, и всё было хорошо, а теперь этот маразматик будет меня учить», – подумал Дима, а вслух вежливо спросил:

– А как надо, Велемир Адроныч?

– Вот ты как садишься на унитаз? Покажи.

– В смысле, Велемир Адроныч?

– Ну как в туалет ходишь по-большому? Как на унитаз присаживаешься? Изобрази.

Дима, стиснув зубы и мысленно матерясь, изобразил.

– Вот! – закричал старик. – А какого хрена ты со штангой на корточки присаживаешься?

Понял?

– Да, да, спасибо, понял...

В зал зашли трое девушек. Болтая и хихикая, они заняли беговые дорожки. Дима заметил, что они оценивающе оглядывают его. Он давно заметил у некоторых девушек такую интересную черту – прицениваться к нему взглядом, но так и не решил, хорошо это или плохо. Судя по улыбке одной из них, смотрины прошли успешно. Дима резко увеличил вес штанги и продолжил приседать.

– Стой! – вдруг опять закричал Велемир Адроныч. – Забыл что ли, как на унитаз садишься? Ну-ка, давай ещё раз!

Девушки с любопытством посмотрели на него. Дима почувствовал, что краснеет, но не смог перечить Велемиру Адронычу и, проклиная его самыми страшными словами, изобразил. Девушки захихикали, что-то сказали друг другу и ушли.

– Что в бане давно тебя не видно? – спросил Велемир Адроныч, прямо, не сгибаясь, присев на скамейку для жима. Он всегда садился и делал упражнения, не сгибая спину, потому что позвоночник его был перебит в нескольких местах. Говаривали, будто почти все его кости заменили на титановые после какой-то страшной катастрофы, о которой никто ничего не знал наверняка, а сам Велемир Адроныч никогда не рассказывал. Некоторые утверждали, что он участвовал в боевых действиях на темной стороне Луны и в одиночку разбил молотом вражеский бронетранспортёр, полный солдат. Они стреляли в него упор, но прежде чем упасть бездыханным, он убил их всех. В награду за этот подвиг Министерство Наступления выделило огромную сумму на восстановление изувеченных останков Велемира Адроныча. По другим сведениям, он просто работал там добытчиком Гелия-3, из-за которого, собственно, и случилась война, и взорвался в шахте. Его тихий шепелявый голос тоже явился следствием травм – сломанной нижней челюсти и шеи. Как-то Диме показали фото молодого Велемира Адроныча – огромного бородатого медведя с бешеным взглядом. Но несмотря на нынешнюю старческую

худобу и медлительность, в нем сохранилась прежняя мощь, и он до сих пор оставался самым сильным человеком в тренажёрном зале. И самым уважаемым – его авторитет был непрекаемым в решении любых вопросов. Между собой пауэрлифтеры ласково называли его трансформером.

– Да времени не было, работы много, – ответил Дима.

– Пьянки, небось, и бабы, вот и вся твоя работа, – усмехнулся Велемир Адронич.

Дима хотел было начать оправдываться, но старик прервал его:

– Ну и правильно. Не в Зону же Правды подаваться, верно говорю?

– Верно, верно, Велемир Адронич.

– Ну ладно, пойду я. Ты смотри, в зал почаще приходи. И баню не пропускай.

На пороге раздевалки он обернулся и добавил:

– И не жми.

– Ну что вы! – замахал руками Дима. – Как можно! Жмут только дураки. В этом толку нет никакого.

Едва Велемир Адронич покинул пределы тренажёрного зала, Дима бросился на жимовую скамейку и принялся со страстью жать, как сумасшедший, ибо запретный плод особенно сладок. Если бы не Велемир Адронич, он может и вообще не стал бы сегодня жать – после вчерашнего не было на это сил и настроения. А теперь он нажался так, что выполз из-под штанги еле живой, в поту и тяжело дыша. Вот что значит, – подумал он, – нажать, как свинья.

Весь последующий день Дима просидел на работе за компьютером, читая новости в интернете и попивая кофе. Коллеги видели, что ему не очень хорошо, и не беспокоили разговорами. Один раз зашёл начальник, открыл было рот, собираясь что-то сказать, но, увидев Диму, закрыл его.

– Чего? – сказал ему Дима, тяжело глядя исподлобья.

– Ничего, – ответил начальник и ускакал в другой кабинет, чтобы поручить задание для Димы кому-нибудь другому.

Под вечер к нему заглянула Марина, которой он звонил ночью с предложением о встрече. Она ворвалась бодрая и счастливая, подбежала и облокотилась на его стол. Дима не чувствовал стыда за вчерашний звонок и хрипло приветствовал её.

– Привет! – сказала она весело. – Я так была рада, что ты мне вчера позвонил!

– Не заметил.

– Пойдём сегодня в один замечательный клуб? Я тебя приглашаю. Очень стильное место – всё сделано в духе сельских дискотек начала тысячелетия.

Дима согласился, даже не спрашивая в какой именно клуб. Других планов у него на сегодняшний вечер всё равно не было.

На место они приехали рано, в такое время, когда обычно в клубах ещё никого нет. Они миновали охрану – трёх строгих непроницаемых мужчин в костюмах, заплатили за вход, и очутились в небольшом полутёмном зале. Вопреки ожиданиям, людей оказалось много и почти все были пьяны. Кто-то целовался, кто-то пил у барной стойки, кто-то полулежал на диванах и хмуро разглядывал танцующих, думая, с кем бы завязать разговор, ведущий к драке. Вдоль стен стояли девушки, ещё не нашедшие кавалера, и грустно смотрели по сторонам. Музыка была древней – какая-то композиция 10-х годов прошлого века. Вначале Дима решил, что таков замысел ди-джея и сейчас просто попалась случайная старая песня, а дальше будет что-то более современное. Как бы не так – и дальше продолжалась дискотека 10-х нон-стоп. Более того, никакого ди-джея не было, а был обычный музыкальный центр.

Дима пробрался к барной стойке, заваленной пачками сигарет, пустыми рюмками и забитыми пепельницами, и подозвал бармена. Бармен оказался сильно выпившим, но заказ выполнил быстро – два виски с колой.

Девушка Димы, как выяснилось, знала здесь почти всех. То и дело к ней подходили джентльмены и дамы, целовали её, обнимали и косились на Диму. Она довольно быстро выпила свой напиток, потом второй и третий, и захотела танцевать. Склонить Диму к танцу ей не удалось, и она решила заняться этим одна, а он остался у барной стойки. Облокотившись на столешницу, он пил и старался избегать визуальных контактов с местными парнями. Некоторое время он наблюдал за своей коллегой, как пластично она двигается и как обворожительно улыбается, бросая на него многозначительные взгляды. Он вдруг заметил, что она очень красива, сексуальна и обаятельна, и окружающие мужчины смотрят на неё, вызывая ревность своих друзей. Она послала ему воздушный поцелуй, рассмеялась так, что у него всколыхнулось что-то томительное от паха до головы, и исчезла в мелькающих джунглях рук и ног.

Вскоре он поймал себя на мысли, что ему, в общем-то, здесь хорошо. Алкоголь снял напряжение, не покидавшее его в течение всего дня, атмосфера клуба навевала какие-то смутные ностальгические переживания. Рядом с ним пристроился полный, уставший от танцев мужчина в расстёгнутой рубашке. Он заказал пятьдесят грамм водки, но, заметив Димин любопытствующий взгляд, заказал ещё пятьдесят.

– Угощаю, – сказал он и протянул руку. – Андрей.

Дима пожал его большую крепкую руку, представился и поблагодарил за водку. Они выпили. Помолчав минуту, Андрей вопросительно посмотрел на Диму.

– Ещё по пятьдесят! – крикнул он бармену через стойку, как будто их разделяла не столешница в полметра толщиной, а река или лес.

Бармен вздрогнул, оглянулся, но заметив добродушные выражения лиц Андрея и Димы, стал наливать им ещё по пятьдесят.

– Позвольте, – возразил Дима, – теперь уж я вас угощу.

– Нет-нет-нет, никаких разговоров, – замотал головой Андрей и выставил перед собой ладони с толстыми растопыренными пальцами, давая понять, что разговор окончен и он не потерпит возражений.

Они выпили.

– Маринка очень хорошая, повезло тебе, – сказал Андрей. – Отличная девчонка, не пожалеешь. Её здесь все знают, – и он указал рукой на всех.

– Да, наверно, – уклончиво согласился Дима, оглядев этих всех, кто знает Маринку.

– А ты сам откуда? Раньше не видел тебя в наших краях.

Дима не совсем понял суть вопроса, поэтому ответил на него в общих чертах, больше полагаясь на интонацию, мимику и жестикуляцию, чем на содержание своих слов. Андрей, слушая его, понимающе кивал головой и не переспрашивал. Когда Дима закончил, Андрей крикнул через стойку:

– Ещё по пятьдесят!

– А вы откуда? – спросил его Дима.

– О, это долгая история!

– Ну, я готов послушать. Если конечно вам несложно.

– Мне-то не сложно, – захохотал Андрей, – но этой истории не одна тысяча лет. Хватит ли времени, чтобы её выслушать?

– Хм, интересная метафора. Не очень понимаю, о чём это вы и куда вы клоните... Если что, я против тяжёлых наркотиков. И не уверен, есть ли у меня в запасе тысяча лет.

– К счастью, есть! В общем, я, если говорить проще, последователь первого. Это организация такая, как бы тайная, в интернете ничего о ней не ты найдёшь. Последователи первого. Мы следуем за первым, чтобы помочь ему вернуться к первоначалу... В общем, черт, это сложно объяснить.

Дима покивал, как будто понял, о чём речь и сказал в продолжение разговора:

– А что вы думаете о такой организации как «Зона Правды»?

– Я стараюсь о ней не думать. Но мне кажется, лучше туда не попадать. Что честному человеку делать в «Зоне»? Согласен?

Дима неуверенно кивнул.

– Ладно, мне пора. За знакомство, – Андрей поднял свою рюмку, чокнулся с Димой и проглотил содержимое. – Если что, пиши, посидим.

Он протянул Диме визитку и направился в туалет.

Дима понял, что уже давно не видел Марины и слегка забеспокоился – всё-таки у него были определённые планы на её счёт. Допив остатки коктейля, он оторвался от стойки и побрёл по танцполу, сквозь мерцающую в блеске софитов живую массу. Среди танцующих её не нашлось, и он заглянул в туалет, но там был только полуголый парень, которого со смехом раздевала девушка. Андрея почему-то в туалете тоже не оказалось, хотя Дима сам видел, как тот зашёл туда минут пять назад.

Он нашёл её на улице. Пьяная и чем-то обиженная, она трясла пальцами с длинными золотыми ногтями и ругалась на двух длинных, покачивающихся на ветру парней.

– У меня молодой человек есть! – кричала она. – Он вам морду набьёт, ясно!?

– Да что ты привязалась, – отмахивался от неё парень. – Ты сама к нам лезла.

– Ну всё, вам конец. Я сейчас позову моего молодого человека!

– Да вот он стоит, – парень указал ей на Диму.

Она обернулась, увидела Диму, хотела что-то сказать, но не нашла что и убежала в клуб.

Когда он догнал Марину, она резко обернулась, раздражённо смахнула его руку и закричала:

– Я же девушка! И хочу, чтобы из-за меня убивали! Почему ты не набил им морду?

– За что?

– Какая разница? Ты же видишь, что твою девушку обижают!

Она снова растворилась среди танцующих, а он остался в растерянности. Подошёл к бару, заказал две текилы и одну немедленно выпил залпом. Взял чью-то сигарету со стойки, и впервые за многие месяцы закурил. Первая же затяжка доставила неземное наслаждение. Точно корабль на высоких волнах, его всколыхнуло и заштормило, всё вокруг расплылось в мутные тона и потеряло резкость. Я напился, – отчётливо осознал он. Зазвонил телефон, номер был незнакомый.

– Привет! – услышал он бодрый женский голос. – Что делаешь?

– А это кто?

– Как кто... Это Аня...

– Ой, извини, солнце! Здесь просто шумно очень.

– Ты где?

– Я это... За сигаретами вышел... В магазине.

– Ну и музыка у тебя там в магазине!

– Да, это шумный магазин.

– Хочешь, я приеду?

– Извини, я болею совсем, простужен, из дома не выхожу. Заражу ещё тебя.

– Так ты же в магазине?

– Ах, ну да... Ладно потом поговорим, я не слышу ничего, – он выключил телефон, чтобы больше никто не мог позвонить.

Кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и увидел двух парней, с которыми ссорилась на улице Марина.

– Ну чего, пойдём-выйдем? – сказал один.

– Зачем?

– Надо, – ответил другой и толкнул его в грудь.

Не раздумывая, Дима ударил парня кулаком в челюсть, постаравшись вложить в удар всю силу. В ту же секунду на него набросился второй, рядом кто-то завизжал, на пол посыпались рюмки и пепельницы. Тут же появились охранники и, крепко схватив его за руки, грубо куда-то поволокли по грязному липкому полу сквозь багровую тьму. Было унижительно и страшно, что его так тащат, неуважительно – значит, наверно хотят бросить на жёсткий асфальт и избить со злобой ногами, жалко валяющегося под безразличными возгласами окосевших валькирий: «Оставьте его! Ему уже хватит!» Но нет, – решил Дима, – я должен что-то сделать! Резко вывернувшись из враждебных рук, он влепил правой в чью-то голову. Поднялся женский крик, кажется, он попал в девушку. Его опрокинули на пол, стали пинать и заламывать руки. Потом опять поволокли, больно выкручивая локти и обзывая самыми обидными словами. Спустя мгновение он уже лежал на асфальте за порогом клуба и в него брызгало прохладным дождём темно-серое небо. «Дождь ранен, Дождь ранен, – говорил кто-то в отдалении, бряцая доспехами, – помогите, ему плохо!»

– Галлюцинации, – прошептал он и усмехнулся, – таблетки...

Над ним склонилась Марина, он видел её глаза, полные пьяной нежности и блестящие то ли от слез, то ли от света фонарей.

– Таблетки? – переспросила она. – Какие?

Она принялась шарить у него по карманам и нашла «Морфики».

– Сейчас, сейчас дорогой! Я не знаю, сколько... – она высыпала из банки на ладонь горсть, – ну этого, думаю, должно хватить.

Дима пытался протестовать, возражать, но ни язык, ни руки его не слушались, и она положила капсулы ему в рот.

– Дай пиво, – закричала она на парня, который стоял над ней, сильно раскачиваясь и уходя головой далеко в небо. – Димасику запить надо!

Дима узнал этого юношу – именно ему он дал в челюсть у стойки бара. Парень равнодушно протянул ей банку, и она залила пиво в горло поверженному, глядя его одной рукой по лицу и плача. Он почувствовал в своих глазах её слезы. Люди перед ним вдруг расплылись радужными фигурами в золотых огнях фонарей и переплелись, образуя красочный непонятный пейзаж. Он протёр глаза тыльными сторонами ладоней, но мир вокруг совсем потерял резкость, и он тёр ещё и ещё, пока картина не стала потихоньку проясняться.

Приподнявшись, он обнаружил себя на соломенной подстилке в полуразрушенной глинобитной хижине. У изголовья стояла железная кружка и миска с какой-то гадостью, тлела лучина, сам он был в равном исподнем, запачканном грязью и кровью. Голова раскалывалась от тяжёлой тупой боли – осторожно потрогав её руками, он нащупал бинты. Судя по яркому белому свету, бьющему из окошка под потолком, был солнечный полдень.

Снаружи раздавались голоса двух людей. Стараясь не шуметь, он встал на четвереньки и медленно пополз к выходу. Его замутило от боли и слабости, и он остановился передохнуть. Затем продолжил путь, пока не приблизился вплотную к дверному проёму. Говорящие были совсем близко, судя по манере разговора, один из них был благородного происхождения – значит, офицер, – решил Дима.

– Вот куда война нас забросила... А дома осталась моя возлюбленная... – грустно сказал офицер.

– Жена, господин?

– Да какая жена, дурак. Я же сказал – возлюбленная. Это у вас так – завалил у колодца бабу и всё – уже жена. А она мне даже пока не невеста.

– Ну она хоть любит вас?

– Хотел бы я знать... Я ведь добивался её расположения долго и мучительно. Я месяцами стоял на коленях под её окнами каждую ночь, в дождь и слякоть, в град и снег, в любую непо-

году и ненастье, и пел серенады. В надежде на то, что когда-нибудь она, наконец, выйдет в лунную ночь на балкон и взглянет на меня, изнемогающего от любви, и соблаговолит кивнуть едва заметно. Ну, или просто пройдёт мимо окна, а то я даже не был уверен, что это её окно. Но она сделала больше – на семьдесят вторую ночь смахнула с подоконника в мою сторону лепесток розы. Тогда я, захлёбываясь слезами счастья, схватил этот лепесток и жадно целовал его, прижимая к лицу и вдыхая его аромат, как самый восхитительный на свете и несущий частичку моей возлюбленной. После этого щедрого дара я знал, что рано или поздно, скорее поздно, чем рано, она, тронутая моей преданностью, соизволит спуститься ко мне, побеседовать о погоде, и может быть, но вряд ли, намекнёт о свидании!

– Так может этот лепесток просто ветром с подоконника сдуло?

– Эх...

Дима, подслушивающий за стеной дома, невольно сказал: «Даааа...» Будучи и сам благородного происхождения, он, тем не менее, не верил в эффективность такого прекрасного, но не действенного метода ухаживаний. Дамы, если не предпринять решительных мер, не то что месяцами, но и годами готовы слушать серенады, и пальцем о палец не ударят, чтобы одарить поклонника вниманием.

Офицер подбежал к дверному проёму, заглянул внутрь и громко закричал: «Пленный очнулся!»

– Прошу прощения, – сказал Дождь, – что вмешиваюсь. Я и сам когда-то пел серенады, но это привело лишь к тому, что я едва не сошёл с ума. Пока я пел, к моей возлюбленной пришёл один человек и увёл её с собой, не пропев ни единой строчки.

Офицер не ответил ему. По пробитой дороге в коричневых лужах приближалась группа солдат, возглавляемая всадником в плаще с капюшоном.

– Опять ты попался, – засмеялся всадник, остановившись над ним. Откинув капюшон, он обнажил лицо, показавшееся Диме странно знакомым. – Во все времена было и будет одно и то же.

Фигуры и каприччо

Его разбудила музыка. Он лежал на чужой кровати в незнакомой комнате. Какая-то девушка подпевала музыкальному центру в другой комнате, наверно на кухне. Поднявшись, он посидел некоторое время на кровати, прислушиваясь к своему состоянию. Внутри кто-то тоскливо пиликал на струнах души, барабанил по сердцу и тяжело вздыхал. Он прошёл в ванную и встал у зеркала, опершись на раковину, чтобы полегче было стоять. Глаз подбит, нижняя губа распухла, нос расцарапан. Повернувшись, он обнаружил, что и спина расцарапана, а на плече багровеет крупный засос.

– Ты молодец, – сзади подошла Марина. – Заступился за меня перед этими скотами. Только меня-то зачем ударил?

Она выглядела неплохо, даже бодро, разве что набухла рассечённая бровь.

– Извини. Случайно.

– Ну я так и поняла, – она взяла его за подбородок, повернула к себе и поцеловала в нос.

Он поморщился. Его всегда раздражала манера некоторых девушек обращаться с мужчинами, как с плюшевыми игрушками. Целовать их в носы, трепать волосы, делать «утютю» и называть тошнотворными уменьшительными ласкательными. Вроде «маська», «любимка», «хорошка». Обычно это свойственно совсем юным девушкам, ну лет семнадцати-восемнадцати, они ещё не отвыкли от детских игр и ласк, и переносят их на своего мужчину, но вот когда так ведёт себя уже вполне зрелая женщина, это возмутительно. Прислушиваясь к своим желчным размышлениям, Дима понял, что настроение у него совсем неважное.

Ему вдруг вспомнились ночные видения, рассказ какого-то человека о своих долгих и бесплодных ухаживаниях за возлюбленной. Да, – подумал он, – теперь всё иначе! Теперь девушки добиваются расположения мужчин и усыпают цветами дорогу, скребутся под дверью и плачут под окнами... Ну и как тут устоять?..

Он сел на кухне, тяжело облокотившись на стол. Она поставила перед ним кофе и к его радости ушла в другую комнату. Возможно, она поняла его состояние. А скорее решила изобразить обиду на его невнимание, и будет тщетно дожидаться, когда он придёт. Он сделал несколько больших глотков и спустя минуту ему полегчало, громкая музыка больше не раздражала и жизнь вдруг вывернула из тупика бессмысленности. На столе лежала пачка ментоловых сигарет. Нет ничего отвратительнее, подумал он, чем ментоловые сигареты. И закурил.

– Послушай, – крикнул он Марине, – а я же кажется вчера счёт не оплатил.

– Не переживай, – ответила она из другой комнаты, – твой друг с большим волосатым пузом за нас заплатил.

– Андрей, что ли?

– Ну да, вроде так его зовут. Не знала, что у тебя друзья есть в этом клубе.

– Я тоже не знал. Хороший он человек. Симпатичный.

– Ну да, неплохой. Мне тоже нравится.

На работе Дима решил не появляться в таком виде. Попрощавшись с Мариной, он вышел на пустынную улицу. Ледяной дождь лил, казалось, уже вечность, под одежду задувал призывающий ветер. Всё вокруг окрасилось в серые тона, и даже лица у редких прохожих были серые. В метро он старался не поднимать голову, чтобы скрыть следы побоев. Пассажиров было немного, всего человек двадцать на весь вагон, и он смог найти свободное место. У станции «Зона Правды» завибрировал телефон – звонил Ярополк.

– Привет, – сказал он, – что делаешь?

– Еду! В метро! – закричал Дима, едва разбирая слова сквозь шум поезда. Странная привычка, – подумал он, – кричать в трубку, когда плохо слышишь собеседника, он-то ведь отлично тебя слышит.

– В метро еду! – ещё громче закричал он и невольно оглянулся на пассажиров – не привлёк ли он их внимания своим нездоровым криком. И вдруг заметил в другом конце вагона знакомое лицо. Он сразу узнал её – девушка с газетой из Банка реинкарнаций. Она неотрывно смотрела на него, ужасно бледная и как будто напуганная, и даже не собиралась отводить глаза, несмотря на его наглый прямой ответный взгляд. Отчего-то у него заболело в груди и затруднилось дыхание.

– Слышь, Дим, у меня к тебе есть выгодное предложение! В Зону Правды не хочешь отправиться?

– Я как раз мимо проезжаю, – засмеялся Дима. – А если серьёзно, чего звонишь?

– Да я серьёзно. Ты подумай. Есть выгодная работа там. Вечером позвоню.

Дима убрал телефон и оглянулся в поисках девушки. Она исчезла, видимо, вышла на станции. Он почему-то огорчился. Может, оттого что в нехорошем виде предстал перед ней – наверно подумала, что он какой-нибудь алкоголик или наркоман...

Звонок Ярополка оставил неприятное ощущение, которое многократно усилилось от похмельного состояния. Зачем он сделал такое предложение? – забеспокоился Дима. Меньше всего на свете он хотел бы оказаться в Зоне Правды. Там нельзя лгать, там нельзя ничего скрыть, там становишься другим и никогда уже не будешь самим собой. И, любопытно, какое отношение к Зоне имеет сам Ярополк?

Дома Дима сразу сел за компьютер в надежде найти информацию о Зоне Правды, но на месте ему не сиделось. Настроение менялось каждые пять минут. То он вдруг вставал в крайнем возбуждении, смеялся и потирал руки, как будто собирался заняться интересными делами, то вдруг замирал, и с потухшим взором падал обратно в кресло. Он не мог сосредоточиться на какой-либо мысли, и быстро перескакивал от одних воспоминаний к другим, причём совершенно вроде бы случайным. При этом в памяти всплывали неважные и ненужные вещи, например, как он в детстве в первый раз обманул или как его укусила оса. Вспомнился почему-то и удивительный эпизод, как стоял он однажды в сумрачном поле, а ветер волнами катился по медным колосьям и небо было бледным от туч. Длинноволосая девушка заглядывала ему в глаза со странной улыбкой, от которой замирало его сердце, и что-то говорила, приложив свои ладони к серой стали его нагрудника, а он словно чувствовал тепло её рук и смотрел на неё, немой от любви. А под штандартами в отдалении его ждали оруженосцы и копейщики.

– Стоп-стоп-стоп! – сказал Дима сам себе. – Это какая-то чепуха. У меня нет таких воспоминаний! Какие штандарты и копейщики...

Он прошёл в прихожую, порылся в карманах и извлёк банку с морфиками. Не было сомнений, что дело именно в этих проклятых таблетках, которые ему подсунул Ярополк. Мелькнула мысль позвонить ему, но что-то его остановило, какой-то смутный внутренний страх перед Ярополком. С ним было не всё в порядке, определённо. Он выбросил банку с таблетками в мусор.

Дима снова вернулся к компьютеру, забыв, для чего он к нему садился в первый раз. Наверно, решил он, чтобы просто потупить. Он принялся листать новостные страницы, чтобы как-то убить время. А времени, – вдруг подумал он, – осталось совсем мало. Я и многие другие каждый день, так или иначе, убивают время. А ведь если оглянуться назад, то увидишь, как быстро оно проходит, летит, почти не оставляя следов, и вот ты уже взрослый и большой, и ещё чуть-чуть – и закроет тебя гробовая доска. А каждый день только и ждёшь, чтобы побыстрее он прошёл, этот день, и наступил следующий, как будто в этом следующем дне будет то самое, ради чего живёшь, но нет – наступает следующий день и ты вновь ждёшь очередного. И так ничего и не происходит. Странно, – подумал он, – какая никому ненужная мимолётная жизнь. Зачем она идёт? И что в ней делать? И ради чего нужно жить? И жить не получается, и смерти боишься... Размышления о жизни вызвали у него внезапный приступ панического страха перед смертью, и он постарался прогнать прочь бесполезные мысли.

Внезапно он вновь вспомнил о девушке в поле из своего ложного воспоминания. Он забеспокоился, ощутил укол тревоги, и тут же забыл о ней, задумавшись о своей тревоге.

Надо собрать волю в кулак и сосредоточиться на изначальной задаче, – понял он, и мысленно рассмеялся метафоре о кулаке. Как её соберёшь, эту волю, если её жалкие остатки расползлись по разным частям тела, а кулаки, в которые надо её собирать, трясутся и не сжимаются. Да и изначальная задача уже забыта. Он встал и выглянул в окно. На соседнем небоскрёбе висел, уже местами порвавшийся, огромный плакат «Зона Правды. Мир, где нет лжи...» Диму осенило – так вот, что он собирался сделать! Найти информацию о Зоне! Он сел обратно за компьютер и быстро набрал в поисковике два слова.

На заглавной странице сайта «Зоны Правды» мигал баннер «Научись жить безо лжи!» Ниже следовал пространный текст о плодотворных изменениях личности тех людей, которые побывали в Зоне. В конце говорилось: «Очевидно, что ложь – это основной порок, который мешает человеку достичь гармонии с самим собой и окружающим миром, стать счастливым. Но у нас ложь невозможна! А когда нет возможности солгать, человек не в состоянии поступить дурно, ибо именно ложь толкает на злые дела (и наоборот). Совесть и любовь к ближним, вот что здесь движет людьми, поэтому в Зоне Правды нет места злу. Важнейшие моральные ценности человечества у нас обретают реальность и подлинный смысл. В океане лжи, в котором утонул мир – от простых людей до властителей, здесь Вы найдёте остров Истины. И не будет большим преувеличением назвать наш городок Градом небесным, или – Земным раем».

В историческом разделе Дима выяснил, что Зона Правды основана достаточно давно, фактически одновременно с первыми Банками реинкарнаций. Изначально она занимала одно большое здание в черте города, но за годы развилась в автономный городок. Оказывается, попасть в неё по собственному желанию было нельзя, туда принимали исключительно по рекомендации бывших или настоящих резидентов Зоны.

– Ммм, – сказал Дима. Вот как. Значит, Ярополк каким-то образом связан с Зоной. – И есть же такие сумасшедшие, которые стремятся туда попасть.

Ходили слухи, что по какой-то причине в Зоне невозможно было лгать. Будто бы обитатели Зоны обладали даром видеть человека насквозь и сразу определять по его словам, говорит он правду или нет. Дима в очередной раз представил себя в Зоне и похолодел. Было много вещей, которые он никогда и никому не собирался рассказывать, слишком личных, интимных, а иногда и стыдных, чтобы знали о них другие.

Взгляд упал на кусок текста в экране: «...Вам потому страшно сказать правду другим, что «другой» для вас – синоним «чужого». Поменяйте своё отношение к людям, и вы обретёте единство с миром и человечеством...»

Может и так, – отчасти согласился Дима, – может, другой это не столько чужой, сколько я сам, но уж слишком это страшно таинство исповеди сделать публичным.

Никакой конкретной информации об устройстве Зоны, о том, что в ней происходит, он не нашёл, лишь возвышенные общие фразы. Одна из таких фраз заставила его серьёзно задуматься – президент Зоны заканчивал своё письменное обращение к посетителям сайта словами: «Будьте с нами! Прервите цепь перерождений!»

Идеология Зоны Правды явно сводилась к тому, что нужно остановить череду воплощений, чтобы вернуться в изначальное состояние, до первого рождения – состояния вечного блаженства, без страданий, боли и сомнений. А чтобы добиться этого, необходимо научиться «жить безо лжи».

Впрочем, возможность прерывания цепи перерождений научно доказать не сумели. Была, правда, пара учёных, убеждённых в том, что «колесо Сансары» можно остановить, но всерьёз их, кажется, никто не воспринимал. В старые времена эту остановку называли мокшей или нирваной и многие верили в неё, хотя и не могли назвать ни одного человека, кроме легендарного Будды, кому это удалось бы. И вот что любопытно, едва метемпсихоз из положе-

ния религий превратился в научный факт, эта ключевая идея о прекращении перерождений утратила своё значение. Теперь считалось, что все обязательно после смерти обретают новую жизнь, вселяются в новое тело, утрачивая память о прошлых воплощениях. В прессе ходили, конечно, периодические слухи о загадочных «ДУШАх» (научная аббревиатура, обозначающая субстанциональную сущность человека, оставшуюся после его смерти – дуально-универсальный шаровой абсолют), новые воплощения которых после их смерти так и не удалось установить. Однако учёное сообщество по этому поводу отмалчивалось или ссылалось на то, что популяция людей на Земле слишком велика и новые воплощения просто ещё не были обнаружены. Или же, по неизвестным причинам, пока ещё не переродились, но обязательно переродятся. Вот он, подумал Дима, дурацкий принцип бритвы Оккама в действии – что не доказано, того не существует. В этой связи его интересовал совсем другой вопрос. Он моделировал такую ситуацию: допустим, в результате какой-нибудь глобальной катастрофы, например, падения крупного метеорита, погибнет всё человечество и вообще весь живой мир на планете. Ну и что тогда будет с «душами»? Куда им переселяться? И вообще, где они в этот момент между жизнью и жизнью? Вернее, между смертью и жизнью? Научная теория метемпсихоза не давала однозначного и ясного ответа на этот вопрос. А ещё удивительнее было вот что – если население Земли каждый день увеличивается, то откуда берутся всё новые и новые души для новых тел? Откуда они появляются? Кто их создаёт? Или они сами как-то создаются? В одной статье Дима прочитал, что ДУШи генерируются в сердце Черных дыр в центрах галактик, но это исследование нельзя было принимать всерьёз, оно явно носило псевдонаучный характер и было написано новым воплощением Эйнштейна – мелким бездарным журналистом, который не мог смириться с гениальностью своего «предка». В документах, посвящённых научной работе Зоны Правды, он наткнулся на более любопытный материал, где доказывалось, что ДУШи существуют в ограниченном количестве с возникновения мира. Поэтому большая часть человечества – это, как писалось в статье – «боты». Этот термин из компьютерных игр был взят для обозначения людей без души, обладающих разумом, волей, способностью к действию, но лишённых души и, следовательно, возможности перерождений. Умирая, они просто исчезали в ничто, так же, как появлялись из ничего, рассыпались на кванты и возвращали позаимствованную энергию. Дима стал читать дальше.

«Привычка говорить правду в любой ситуации, быть всегда честным с другими и, что важнее, с самим собой – гарант обретения независимости от мира и жизни. Свободен только тот, кто говорит правду. Потому что ложь – это слабость, ложь – это попытка укрепиться в этом иллюзорном мире и ошибочная вера в его ценности. Лжёт тот, кто верит, что события, вещи, люди и его собственное «я» имеют большое значение. Лжец – этот тот, кто каждый день откладывает путь добродетели на завтра, но не встаёт на него никогда. Как правило, именно лжецы особенно боятся смерти – им страшно разрывать связи с миром, которому они приписывали такую огромную ценность, с миром, ради которого они предавали, изменяли, лгали. Честный же человек умирает с улыбкой – у него нет незакрытых счетов с совестью и с миром, он свободен».

Решив, что на сегодня хватит, Дима выключил компьютер. Укладываясь в постель, он размышлял о прочитанном. Ему казалось, что на сайте Зоны содержались вполне разумные наставления и было бы неплохо, если бы люди им следовали. Но вот этот вот мистический антураж с идеей прерывания цепи перерождений отдавал, конечно, чёрной магией.

Засыпая, он слышал, как во дворе поскрипывала сосна и хлопал ветер шторами в чьём-то открытом окне. Бесконечный дождь, разбиваясь о подоконник, брызгами залетал в комнату. Одна капелька даже упала Диме на лицо. Ветер видимо крепчал, потому что шторы хлопали всё резче и громче, и всё протяжнее скрипела сосна.

«Надо встать и закрыть окно, – подумал он, – похоже/ ураган начинается».

Жар и холод

И в самом деле, грохот нарастал – скрип, удары, солёные брызги в лицо. Что за черт, – сказал он про себя и встал. Быстро взбежав по лестнице, он вышел на палубу. Погода испортилась вконец – небо заволокло темной серой пеленой, ветер свирепо бил парусами и вздымал гребни в два человеческих роста, бросая в людей потоки ледяной воды. Вцепившись в фальш-борт, он перегнулся и посмотрел в кипящую пучину за бортом. В черных волнах мелькали блестящие длинные тела, быстро скользили, уходили на глубину и вновь всплывали.

– Снять паруса! – закричал он. – Сети за борт!

Какой-то бородатый промокший матрос в огромном капюшоне спросил:

– Может не надо сети? Перевернут, суки!

– Надо! Выполняй!

Как только паруса спустили, судно стало держаться ровнее. Несколько человек сбросили с правого борта сеть.

– А ты прав, – весело закричал бородатый, – здесь они, милые, полно!

Дима ободряюще махнул рукой. Но мощные порывы и темнота беспокоили его – если ветер ещё усилится и корабль развернёт бортом, то может и перевернуть. Или, по крайней мере, смочит кого с палубы волной.

– Тяни! Тяни! – закричал бородатый.

Дима подбежал к морякам. Отяжелевшую сеть резко потащило вниз. Он вместе с другими схватил верёвки и потянул.

– Что такое!?! Зацепилась!?

Зацепилась. Сеть не шла, а корабль накренился и медленно пополз бортом к ветру.

– Я же говорил, – страшным голосом сказал кто-то, – надо днище было чистить перед выходом в море...

– Конец нам, Дождь, – крикнул ему в ухо бородатый.

Тревожно зазвенел гонг, кто-то без приказа стал бить в него, как будто это могло что-то изменить. Судно кренило всё круче, нагибая мачтами к волнам, а звон всё учащался и нарастал, превращаясь в непрерывное дребезжание. Кто же это так часто долбит, – с раздражением подумал Дима.

Он сел в темноте на кровати и спустя несколько секунд понял, что это домофон. Пройдя в прихожую, он взял трубку.

– Здравствуйте, – раздался бодрый мужской голос. – Вы уже нашли свою вечную любовь? Или полагаетесь на вечность в запасе?

Дима испугался и растерялся. Ему показалось подозрительным, что среди ночи какой-то незнакомец спрашивает его о любви.

– Нет, не нашёл, – сказал он после мучительного размышления. – А вы кто такой?

– Ну и дурак. Открывай, это я.

Войдя, Василий сразу отдал брату вымокший холодный плащ.

– Непогода, – сказал он таким тоном, как будто приход в три часа ночи самое обычное дело.

– А что так поздно? Ты в курсе сколько времени? И что там было про любовь?

– Я по делам тут был рядом, решил зайти. Красивое у тебя лицо. Шрамы украшают мужчину. А про любовь – так, шутка.

За приготовлением чая Дима вкратце изложил брату свои приключения в клубе. Василий одобрительно качал головой. Дима рассказал ему и о странных снах. Больше всего его пугало, что сегодня на ночь он не употреблял таблеток, ведь он выбросил их накануне в мусорное

ведро. Наверно, решили братья, переборшил, не следовало смешивать с алкоголем и пить в таком количестве, не всё ещё вышло из организма. Спать они легли под утро, часа в четыре.

На следующий день Дима проснулся поздно. Василий ещё спал и он решил сходить пока в магазин, купить сигарет. В очереди перед ним стояли наркоманы – за дешёвыми заменителями наркотиков. Дима до сих пор с трудом верил, что их покупают, но, тем не менее – это было фактом, они пользовались большой популярностью. Когда-то давным-давно люди придумали выпускать безалкогольное пиво, и все стали его пить, а потом появились безалкогольные крепкие напитки, все смеялись, но и их тоже стали пить. А затем – искусственный кокаин для богатых и искусственные амфетамины для бедных – без содержания веществ, вызывающих эйфорию, стимуляцию и, соответственно, привыкание. Но по вкусу, цвету и запаху они были точь в точь как настоящие наркотики. Даже стали делать безвредный героин. И что же? Несмотря на протесты всех учёных и просто здравомыслящих людей, заменители пользовались огромным успехом. В городе открылось несколько клубов, где мастера различных духовных практик обучали наркоманов умению получать удовольствие от ненастоящих наркотиков. Все просто, говорили они, достаточно лишь поверить, что они настоящие! Забыть, что это заменители и принимать их так, как будто желаемый эффект неизбежен! И вот, что любопытно – это действовало, а количество смертей от передозировок и разрушенного здоровья резко сократилось.

Едва выйдя из магазина, Дима торопливо выкурил две сигареты подряд. А потом прикурил третью. Он давно уже заметил за собой какую-то ненормальную спешку во всех делах и неумение вовремя остановиться. Например, даже в бане, куда он периодически ходил с братом, он парился дольше и отчаяннее всех. И не потому, что очень хотел париться, а потому что не мог сидеть в предбаннике без дела – там он сразу начинал нервничать, оглядываться по сторонам и беспокоиться, не зная, чем себя занять. И не усидев, вскакивал и опять бежал в парилку. Опытные банщики, многое видавшие на своём веку, даже спрашивали про него друг у друга: «А что это за парень?» «Какой такой парень?» – переспрашивали другие. «Ну, этот, что парится, как е-анутый». «Ааа, – отвечали те, – этот, что парится, как е-анутый? Не знаем, но да, ходит такой в баню давно уже». В бане его только так и называли поэтому: «этот, который парится, как е-анутый».

Куда я спешу, – недоумевал он, стоя на улице с сигаретой, – отчего убегаю? Вроде бы он всегда торопился всё сделать быстро, как будто хотел освободить время для настоящих важных дел или для отдыха, но едва это время появлялось, он сразу начинал маяться, не зная, к чему себя приложить и опять куда-то спешил. Однажды брат сказал ему на это, что это нормально – потому что остановиться и успокоиться можно только в двух случаях – в любви или в смерти. А если нет ни того, ни другого, то придётся метаться, бежать, ждать чего-то несбыточного. Хотя это несбыточное – вполне простые вещи: любовь и смерть.

Вернувшись домой, он обнаружил на кухне Василия за чашкой кофе.

– Никак не могу привыкнуть к твоему лицу, – сказал Василий. – Испугался, что это какой-то незнакомый мужик в твою квартиру зашёл.

– Доброе утро, – ответил Дима.

– Пойдём в баню? Давненько мы не парились.

Дима был совсем не против бани, на работу он всё равно идти не собирался.

– Может, Ярополка возьмём с собой? Хотел с ним поболтать, – предложил он.

– Что ж, можно и пригласить. Всё равно он не придёт.

Дима отправил Ярополку sms с приглашением. Надежды на то, что тот придёт и, в самом деле, почти не было. Ярополк давно перестал регулярно встречаться с братьями. Первое время они по привычке часто приглашали его с собой в разные интересные места, но неизменно получали отказ. «Ой, парни, – говорил Ярополк, – я бы с удовольствием, но работаю!» Или: «Очень хочу, но ребёнка не с кем оставить!» А однажды признался честно: «Не могу, жена ругаться будет, она мне запрещает с вами видеться». И это было правдой. Его бывшая жена не очень

любила братьев, она боялась, что вместе с ними её муж ходит к девочкам и изменяет ей. Дима понимал её страхи, ведь она была на пятьдесят шесть лет старше Ярополка. Пластическая нанохирургия творила чудеса – выглядела она совсем как девушка, и всё бы хорошо, если бы не начался старческий маразм. Вот тут и возникли настоящие проблемы. Но внезапная смерть жены освободила его от диктата с её стороны. С тех пор он любил повторять известную поговорку:

– Парни, не ведитесь на внешность, сначала узнайте, сколько вашей избраннице на самом деле лет...

Как правило же, он объяснял невозможность встречи своей работой. Причём в любое время суток, будь то день или ночь, выходные или будни, Ярополк постоянно оказывался на работе занятый какими-то неотложными делами. Правда, теперь он обзавёлся новой женой, Катьей, и неизвестно какое влияние она имела на него.

Несмотря на будний день, в бане было много людей. Заплатив за вход, купив веник, шапки и тапочки, и арендовав простыни, они нашли пару свободных мест в одной из кабинок. Повсюду сидели и полулежали раскрасневшиеся мужчины в анабиозе, отходившие после хорошей пропарки. В центре зала отдыха стоял длинный прямоугольный стол и потёртые диваны вокруг него, обтянутые красным дерматином. На этих, центральных диванах, обычно отдыхали завсегдатаи, парильщики, ходившие в баню ещё тогда, когда Дима с Василием не родились. Стол всегда был накрыт, между пропарками за ним закусывали и выпивали, болтая и громко хохоча. А иногда за столом играли в домино, с таким азартом, как будто на деньги, но нет, играли просто так, ради победы и духа соревнований. Фишки бились об стол, и вылетали горячие крепкие слова, неизменно сопровождающие эту древнейшую игру столько веков, сколько она существует.

Дима с Василием пришли вовремя – едва они разделись, как из предбанника вышел мокрый человек и сказал: «Мужики, через пять минут готово!» Братья нацепили тапочки, надели войлочные шапки и побежали к парилке, чтобы занять место ближе к входу. Очередь выстроилась уже большая. Время от времени из дверных щелей вырывался свист и пар, это шайками подавал кипяток в печь Велемир Адрынич.

Вскоре он вышел из парилки. На его голове была не такая шапка, как у всех, а широкая треуголка с войлочной звездой посередине. Протолкавшись через очередь, он встал под холодный душ. Все приготовились – раз главный вышел, значит, сейчас будет дана команда заходить. И точно, спустя минуту Адрынич крикнул: «Пошли!»

Стадо голых мужиков рванулось в парилку. На карачках, потому что жар стоял невыносимый, они быстро заползали по ступенькам вверх и ложились на пол. Дима успел найти свободное место и лёг ногами к центру, где для Велемира Адрыныча был оставлен небольшой пятачок. Те, кому места на полу не хватило, сидели на ступеньках или стояли внизу, а некоторые смельчаки легли повыше, на полки. Дима поднял руку и её обожгло горячим паром. Теперь все ждали прихода главного.

Парилку освещал слабый свет лампы в толстом стеклянном плафоне под ржавой железной решёткой. Доски, из которых были сделаны пол, ступени и пологи почернели от постоянной влаги и пропитались потом тысяч тел. Кирпичные своды потолка со следами штукатурки мрачно нависали над голыми людьми. Несмотря на общую атмосферу ада, люди в парилке, по всей видимости, получали ни с чем несравнимое удовольствие. Как заметил лежащий рядом с Димой старик, «ощущения выше половых». Дима отчасти был согласен с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.